

РЕТРОСПЕКЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ ГРОТЕСК КАК ИНСТРУМЕНТЫ САТИРЫ В РАССКАЗЕ «МОРОЖЕНОЕ»

Нурматова М.А.

Узбекистан, г.Ташкент, УзГУМЯ

Адыла Якубова

<https://doi.org/10.5281/zenodo.18243743>

ARTICLE INFO

Received: 12th January 2026

Accepted: 13th January 2026

Online: 14th January 2026

KEYWORDS

культ личности,
ретроспекция, рефлексия,
социальный гротеск,
нарратив.

ABSTRACT

В статье анализируется рассказ Адыла Якубова «Мороженое» с позиции ретроспекции и социально-психологического гротеска как основных средств сатирического осмысления действительности. Показано, что автобиографический нарратив позволяет автору переосмыслить травматический опыт детства, связанный со сталинскими репрессиями и культом личности.

Литературный процесс XXI века в Узбекистане исследовательница Г. Гарипова рассматривает «...как новый этап в последовательном движении и развитии литературного процесса, охватывающего весь период национальной литературной истории» [1, с.5]. Многими современными писателями, в том числе и Адылом Якубовым, была попытка переосмысления истории народа, сквозь призму своего прошлого.

Проза Адыла Якубова отражает пройденный им жизненный путь, его рассказы автобиографичны, пропитаны рефлексией о событиях детства и юности. Рассказ «Мороженое» — это воспоминание автора об утерянном детстве, когда его отца, как и множество его окружающих людей, несправедливо обвинили в предательстве и заклеили на всю жизнь врагом народа, тем самым разрушив ему всю жизнь и отобрав детство.

Через ретроспекцию автор – рассказчик словно даёт оценку прошлому, сквозь опыт прожитых им годов, критикуя не только советскую действительность с её отрицательными элементами, но и себя прошлого. Например, когда в их дом приходят комиссары с обыском, маленький Якуб помогает им открыть ящик и этот эпизод жизни, когда палачи отца похвалили его – для рассказчика превращается в пятно на его совести. Вместе с нарративом рассказчика, взрослого, сформированного как личность, параллельно звучит наивный и чистый взгляд на происходящее мальчишки – школьника, что опять же даёт контраст и создаёт социально-психологический гротеск: «...Молодец! — сказал он, погладив меня по голове. — В будущем из тебя выйдет достойный человек! От этой неожиданной похвалы капитана у меня защемило сердце. Впоследствии, уже повзрослев, я ненавидел себя за то, что тогда хоть и на секунду, несмотря на вопли и стенания в доме, обрадовался похвале палачей, которые пришли арестовать моего отца. Но в те минуты, к сожалению, я испытал гордость от слов капитана, и это ужасная правда!» [2, с. 20]

Адыл Якубов использует для сатиры *социально-психологический гротеск*, но в отличие от Михаила Булгакова, в творчестве которого социальный гротеск был основным инструментом создания художественной действительности, в произведениях Якубова отсутствует элемент фантастического. Контраст между наивным восприятием ребёнка и оценочной позицией взрослого рассказчика формирует социально-психологический гротеск. Он состоит из: доведённого до абсурда сталинскими репрессиями социалистического общества, его идеологии и уродства культа личности – параллельно существующих с жизнью обычных людей, узбекского народа и влияющих на судьбы семей. Трагедия семей врагов народа, ждущих встречи со своим близким родственником за колючей проволокой и митинги активистов, весело шагающих по парку рядом – создают социально – психологический гротеск: *«...Молодые женщины, трясущиеся пожилые люди, дожидаясь приёма передач, зябли с утра до вечера у колючей проволоки... я бежал в парк около тюрьмы. Там каждый божий день проходили митинги, под барабанную дробь и звуки карнаев-сурнаев колоннами шагали дети»* [2, с. 24]. Особое внимание уделяется деформации общественного сознания и разрушению родственных связей в условиях тоталитарной идеологии.

Общество, отравленное пропагандой, перестаёт здраво мыслить и людям кажется, что вокруг «враги народа», пытающиеся разрушить советский союз. Печально, что в этот абсурд втягиваются так же дети. Эпизод с поиском в портрете Пушкина контрреволюционного текста: *«...по городу, и по нашей школе в частности, поползли разные слухи. Будто эти тетради, выпущенные к пушкинской дате, вернее, на обложках тетрадей, есть контрреволюционные высказывания. Будто, если внимательно приглядеться к волосам Пушкина на обложке, а особенно к рисункам из сказок поэта, то можно разобрать хитро зашифрованные контрреволюционные призывы!* – доводит этот абсурд до *карикатурной нелепости* [2, с. 28]. Это и есть социально-психологический гротеск, который «позволяет высмеивать и критиковать общественные порядки и нравы, искажая реальность для подчёркивания абсурдности или несправедливости» [3].

В рассказе также поднята проблема разрушения родственных уз, причиной которого стал сталинский лозунг «сын за отца не в ответе». В начале произведения автор, рассказывая об истории семьи, подчёркивает, что дедушка Якуб, который до революции был самым уважаемым суфием мечети кишлака Карнак и отец – большевик были идеологическими врагами. Сын отказался от своего отца, ради идеи. Главный герой одиннадцатилетний мальчик, не умеющий критически анализировать происходящее, не понимает – почему мать его упрекает вместо того, чтобы похвалить, когда он находит в тетради с изображением Пушкина вражеский лозунг – Долой СССР, который является лишь плодом его детского воображения, отравленного пропагандой сознания. Мальчик, отца которого погубил «большой террор», вызванный сталинской политикой, становится частью системы, сам того, не осознавая – повторяет предательство, совершённое когда-то его отцом.

Таким образом А. Якубов в рассказе «Мороженое» отображает трагедию народа XX века в условиях сталинских репрессий, семей потерявших своих ближайших

родственников – отцов, братьев, детей и т.п. Авторская позиция раскрывается, с одной стороны – с помощью ретроспекции как рефлексии на события, произошедшие с ним в детстве, оценка своих чувств, поступков, а с другой – социальным гротеском как инструментом сатиры, показывающим жестокость и уродство сталинской системы. А ретроспекция и социальный гротеск раскрывают авторскую позицию и усиливают критическое звучание произведения..

Список использованной литературы:

- 1.Гарипова Г. «Концептуальные тенденции развития узбекской литературы конца XX–начала XXI вв.» - Т.: «Звезда Востока», 2012
- 2.Река души моей. Сб. современных узбекских рассказов (составитель и переводчик С. Камилова). - Т.: «Адиб», 2013.
- 3.<https://studfile.net/preview/3536681/page:12>

